

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 1 (56)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (56)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Алексеев А.Н.^a, Дьяконов В.М.^b, Соловьева Е.Н.^{c, b, *}, Николаев Е.Н.^a,
Боескоров Г.Г.^d

^a Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027

^b Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090

^c Арктический научно-исследовательский центр Академии наук Республики Саха (Якутия)
ул. Курашова, 22, Якутск, 677000

^d Институт геологии алмаза и благородных металлов СО РАН
просп. Ленина, 39, Якутск, 677891

E-mail: alekan46@mail.ru (Алексеев А.Н.); arkh_muz@mail.ru (Дьяконов В.М.);
lenasolo05@mail.ru (Соловьева Е.Н.); nikolaev.ykt@gmail.com (Николаев Е.Н.);
gboeskorov@mail.ru (Боескоров Г.Г.)

ПОГРЕБЕНИЕ ОГОНЕК НА СРЕДНЕЙ ЛЕНЕ — НОВЫЙ ПАМЯТНИК БЕЛЬКАЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Отражены результаты изучения погребения Огонек, обнаруженного в г. Якутске в ходе земляных работ. Представлена характеристика погребального инвентаря, элементов погребального обряда, отмечены аналогии с некоторыми археологическими памятниками Северо-Восточной Азии. Данные радиоуглеродного датирования, типологический анализ сопроводительного инвентаря и элементов погребального обряда позволили отнести захоронение к первой четверти IV тыс. до н.э. и включить в круг погребений белькачинской культуры, существовавшей в Якутии с конца V по III тыс. до н.э.

Ключевые слова: Якутия, средняя Лена, неолит, погребальный обряд, погребальный инвентарь, пресноводный резервуарный эффект, белькачинская культура.

Введение

Неолит Якутии изучен в основном по материалам стоянок и поселений, а погребальные памятники этого периода весьма немногочисленны. При этом до сих пор не обнаружено погребений сыалахской культуры раннего неолита (6000–4700 ¹⁴С л.н.; 6900–5500 кал. л.н.). Известно лишь 10 погребальных памятников белькачинской культуры среднего неолита (5400–3700 ¹⁴С л.н.; 6300–4200 кал. л.н.) и 7 — ымыяхтахской культуры позднего неолита (4350–2950 ¹⁴С л.н.; 5000–3000 кал. л.н.). Поэтому сведения о каждом из таких погребений представляют большой научный интерес в плане реконструкции погребально-ритуальных практик населения, определения хронологии культурных традиций неолита, изучения состава погребального инвентаря, планиграфии могильников, половозрастной, антропологической и генетической специфики, а также в других аспектах. Наиболее ранние захоронения людей в Якутии, не считая находок антропологического материала, не связанного с погребальными комплексами, относятся к белькачинской культуре. Белькачинский культурный феномен — один из крупнейших в Северо-Восточной Азии. Памятники, содержащие белькачинский технокомплекс, встречаются, помимо Якутии, на нижнем Амуре, Северном Сахалине, Таймыре и Чукотке [Дьяконов, 2019]. Есть мнения, что культурные импульсы белькачинской культуры таежных охотников и рыболовов достигли Америки, оказав влияние на формирование арктической традиции мелких орудий — Arctic Small Tool tradition на Аляске, в Канаде и Гренландии [Gomez Coutouly, 2016, p. 27; Powers, Jordan, 1990; Slobodin, 2019; The Oxford handbook..., 2016, p. 13, 254, 674]. Белькачинские погребения найдены на Лене, Вилюе, Олекме, Амге и Колыме. Их объединяет несколько признаков: грунтовые могильные ямы без каменной кладки, засыпка охрой, вытянутое труположение на спине, наличие богатого сопроводительного инвентаря, среди которого часто встречаются кости животных и птиц. В данной статье речь пойдет о погребении белькачинской культуры, случайно обнаруженном в г. Якутске в 2016 г., и о результатах проведенных на данном этапе исследований, в ходе которых, помимо историко-археологических методов, были применены методы трассологического анализа каменного инвентаря, радиоуглеродный метод датирования и калибров-

* Corresponding author.

ка дат, изотопный анализ костного коллагена человека и животных, определение видового состава фауны, входившей в состав погребального инвентаря.

Характеристика погребального инвентаря и элементов погребального обряда

Погребение, получившее название Огонек, было обнаружено в октябре 2016 г. на территории одного из дачных участков СОТ «Почтовик», расположенного по адресу: г. Якутск, Покровский тракт 8-й км, ул. Степная, при рытье экскаватором хозяйственной ямы. Погребение приурочено к юго-восточному склону останца II надпойменной террасы р. Лены и находится приблизительно в 0,1 км южнее детского летнего лагеря «Лесовичок» (прежнее название «Огонек»), в 0,5 км слева от Покровского тракта и в 8,7 км к ЮЮЗ от центра г. Якутска. Здесь же расположена неолитическая стоянка Огонек, обнаруженная в 2001 г. Якутским отрядом археологической экспедиции Якутского госуниверситета. По наиболее выразительным изделиям из коллекции подъемных сборов, включавшим кремневый многофасеточный резец и вафельную керамику ымыяхтахской культуры, ее датировали приблизительно поздним неолитом [Дьяконов, 2007, с. 39]. Погребение расположено в северной части террасы со стоянкой. Территория памятника, некогда покрытая основным лесом, в настоящее время почти полностью занята дачными участками с постройками.

Рис. 1. Погребение Огонек. Вид южной стенки котлована с указанием пятна охры от головы погребенного.

Fig. 1. Burial Ogonyok. View of the southern wall of the pit, indicating an ocher spot from the head of the buried.

Рис. 2. Погребение Огонек. Фрагмент черепа человека.

Fig. 2. Burial Ogonyok. A fragment of a human skull.

При первичном осмотре объекта было установлено, что захоронение практически полностью разрушено ковшом экскаватора. Нетронутым остался лишь небольшой участок на южной стороне котлована, где в профиле стенки неповрежденным осталось небольшое углубление с пятном охры от головы погребенного, сам череп лежал на дне ямы (рис. 1).

Сохранность черепа плохая, сохранились теменная и лобная кости, лицевая и затылочная части отсутствуют (рис. 2).

Поверхность свода густо окрашена красной охрой. Кроме того, на дне котлована была обнаружена большая берцовая кость человека со следами охры, а также фрагмент ключицы.

В процессе исследования объекта в юго-восточном углу котлована был заложен шурф размером 1×1 м и проведен тщательный осмотр извлеченного из котлована грунта. В шурфе на глубине 38 см от дневной поверхности в слое светло-коричневой супеси было выявлено могильное пятно серовато-бежевого цвета (рис. 3).

Погребение Огонек на средней Лене — новый памятник белькачинской культуры

Рис. 3. Погребение Огонек. Контур могильной ямы.
Fig. 3. Burial Ogonyok. The contour of the grave pit.

Сохранившаяся часть могильного пятна позволяет с большой долей вероятности определить контур могильной ямы как овальный. На глубине 63–64 см от дневной поверхности проявился слой красной охры (рис. 4).

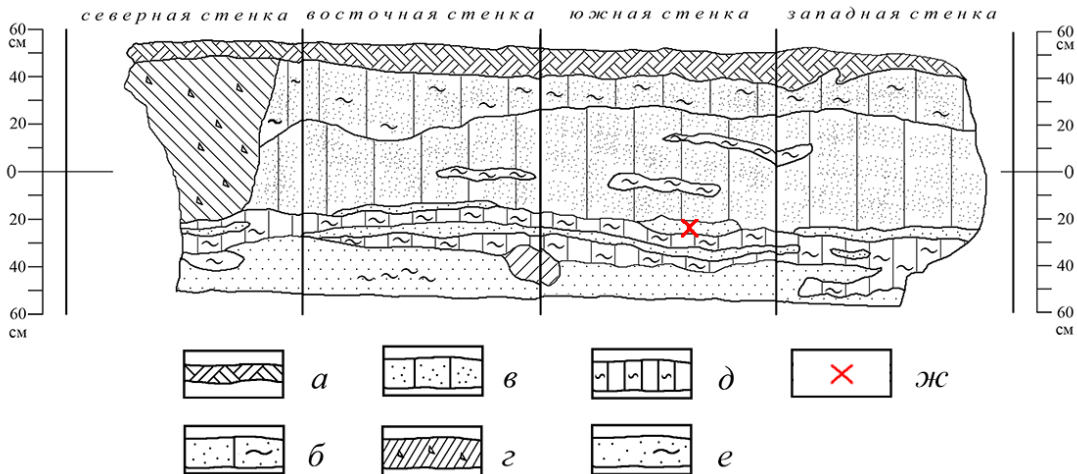

Рис. 4. Погребение Огонек. Стратиграфический разрез стенок шурфа:

а — переслоенный суглинисто-черноземный (дерновый) горизонт; б — суглинок опесчаненный, плотный, с фрагментами древесного угля; в — светло-коричневая опесчаненная супесь; г — техногенная яма; д — суглинок темный опесчаненный с включениями органики. В середине слоя — прослой светлого крупнозернистого песка; е — песок речной крупнозернистый, горизонтально слоистый с прослоями темно-коричневой глины и темно-серого заиленного песка; ж — уровень залегания погребения.

Fig. 4. Burial Ogonyok. Stratigraphic section of the pit walls:

а — interbedded loamy-chernozemic (sod) horizon; б — sandy loamy, dense, with fragments of charcoal; в — light brown sandy sandy loam; г — man-made pit; д — dark sandy loam with inclusions of organic matter. In the middle of the layer is a layer of light coarse sand; е — coarse river sand, horizontally layered with interlayers of dark brown clay and dark gray silted sand; ж — level of burial.

Такой же охристый слой лежал под костяком погребенного. Небольшие вкрапления охры встречаются и в заполнении могильной ямы между верхним и нижним охристыми слоями. Толщина насыщенных охрой слоев составила 0,3–0,5 см. Именно этим объясняются интенсивная окраска сохранившейся части черепа и присутствие следов красной охры на некоторых других костных останках погребенного и предметах сопроводительного инвентаря.

Судя по отпечатку черепа в стенке котлована, погребенный лежал на спине и был ориентирован головой на ЮЮВ, по направлению к близлежащему старичному озеру, вверх по течению р. Лены. Справа от изголовья погребенного, на границе подстилающего охристого слоя и верхней части черепа, in situ находилась окрашенная охрой костяная игла (рис. 5, 6).

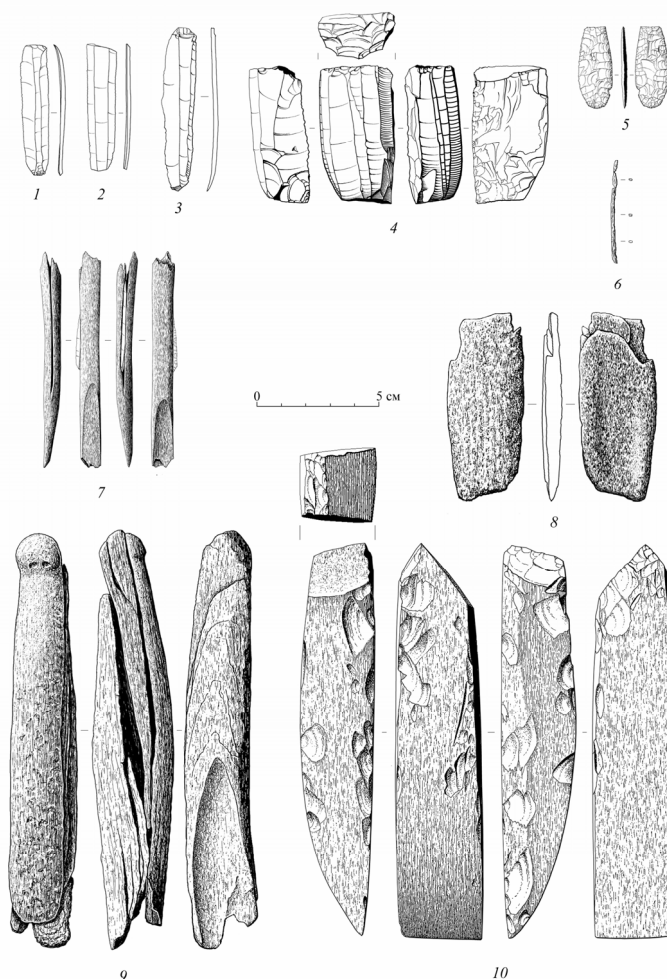

Рис. 5. Каменный и костяной инвентарь погребения Огонек:

1–3 — ножевидные пластины; 4 — призматический нуклеус; 5 — кремневый наконечник стрелы; 6 — костяная игла; 7 — костяной составной наконечник стрелы с пластиной в пазу; 8 — костяное лошито; 9 — антропоморфная фигура из бивня мамонта; 10 — шлифованное тесло.

Fig. 5. Stone and bone burial Ogonyok equipment:

1–3 — blades; 4 — prismatic core; 5 — flint arrowhead; 6 — bone needle; 7 — bone composite arrowhead with a blade in the groove; 8 — bone polisher; 9 — anthropomorphic figurine from a mammoth tusk; 10 — polished adze.

Изделие сильно фрагментировано, в сечении имеет овальную форму, общая длина сохранившихся частей 4,2 см, толщина 0,15 см. В заполнении могильной ямы, между верхним и нижним охристыми слоями, обнаружены два фрагмента мелких костей, вероятно остатков погребальной тризны. Один неопределимый фрагмент располагался в 6 см справа от черепа погребенного, выше нижнего охристого слоя на 7 см, второй фрагмент — птичьей трубчатой кости располагался справа в небольшом охристом пятне чуть ниже верхнего охристого слоя, в 5 см над черепом погребенного.

Кроме того, при расширении шурфа в профиле южной стенки был обнаружен двусторонне обработанный наконечник стрелы — срезень, выполненный из белого кремня (рис. 5, 5). Настоящая форма наконечника, вероятно, получена в результате переоформления иволистного двусторонне ретушированного наконечника после его деформации. Острие наконечника было утрачено, а затем обработано мелкой ретушью с образованием поперечного лезвия. Длина изделия 3,2 см, ширина в срединной части 1,4 см, ширина режущего края 0,8 см. Принадлежность данного изделия к погребению четко не установлена. Других находок в шурфе не зафиксировано. При изучении стратиграфии шурфа на северной стенке был выявлен контур еще одной, более ранней, хозяйственной ямы глубиной около 80 см. Согласно информации жителей близлежащих домов, эта яма была выкопана около 5–6 лет назад. Судя по ее расположению, основная часть погребения подверглась разрушению уже во время заложения именно этой ямы, что

и объясняет отсутствие большей части костных останков погребенного в осмотренном нами отвале второй хозяйственной ямы.

При тщательном просеивании отвала второй хозяйственной ямы выявлен сопроводительный материал погребения Огонек: нуклеус, три кремневые ножевидные пластины, тесло, фрагмент лощила, обломок составного наконечника стрелы с кремневым вкладышем и антропоморфная фигурка из бивня мамонта. Призматический одноплощадочный нуклеус изготовлен из зеленовато-серого кремня, площадка прямая, полукруглой формы (рис. 5, 4). Размеры площадки 1,9×2,9 см, высота нуклеуса 5,4 см. На одном из негативов снятий апплицируется ножевидная пластина (рис. 5, 1). Остальные пластины сделаны из такого же кремня и, возможно, были сняты с этого же нуклеуса (рис. 5, 2, 3). Длина пластин 5,1–6,6 см, ширина 0,9–1,2 см. Поверхность одной из них была покрыта охрой.

Шлифованное тесло из кремнистого сланца черного цвета имеет прямоугольное или даже квадратное сечение (рис. 5, 10). Длина изделия 16,4 см, ширина верхней части 2,8 см, ширина рабочего лезвия 3,3 см, толщина от 2,6 см в верхней части до 3 см в средней. Трасологический анализ тесла, проведенный с помощью электронного микроскопа Olympus BX-FM, показал, что специфические следы износа на рабочем крае орудия отсутствуют.

Фрагмент лощила, изготовленного из трубчатой кости крупного животного, имеет на внешней поверхности заполированную, с внутренней стороны присутствует губчатое вещество (рис. 5, 8). Длина изделия 7,4 см, ширина 3 см, толщина 0,8 см. Сохранность изделия плохая.

Также обнаружен обломок игловидного костяного наконечника стрелы с клиновидным основанием и двумя продольными пазами для крепления кремневых вкладышей (рис. 5, 7). Костяная основа представляет собой округлый в сечении стержень длиной 7 см, толщиной 0,7 см, с двумя продольными боковыми пазами шириной 0,1–0,2 см и клиновидным насадом. В одном из пазов сохранился кремневый вкладыш с мелкой краевой ретушью.

Стилизованная антропоморфная фигурка выполнена из дистальной части небольшого бивня молодого мамонта, распавшейся на три фрагмента в результате продольного расслаивания (рис. 5, 9). Общая высота изделия 15 см, диаметр фигуры у основания 2,4 см, диаметр верхней части 1,6 см. Древний мастер искусно использовал округлый нарост на aberrантном бивне мамонта, превратив его в голову антропоморфной фигуры. Парные округлые углубления, расположенные выше сочленения стержнеобразного, слегка расширяющегося к низу тела фигуры и округлой концевой части, возможно, изображают глаза и маркируют лицевую часть антропоморфной фигуры. В нижней части фигуры имеются два надреза. Гендерная принадлежность фигуры никак не обозначена. На лицевой поверхности изделия частично сохранилась цементная корка бивня мамонта светло-коричневого цвета, поврежденная неглубокими кавернами. Тыльная и боковые стороны фигуры светло-бежевого цвета, цементная корка отсутствует. На тыльной стороне, в нижней части фигуры, имеется утраченное отслоение высотой 7 см.

Вероятно, бивень мамонта в качестве материала для изготовления антропоморфной скульптуры был выбран не случайно. По мнению А.П. Бородовского, отголоски сохранившейся с глубокой древности сакрализации этого ископаемого сырья зафиксированы у некоторых народов Сибири наблюдениями этнографов. Так, А.П. Бородовский цитирует сообщение этнографа П.В. Слепцова о якутах начала XX в.: «...найдя бивень, зарывали на том месте для этого духа что-нибудь взамен. Если найдут маленький бивень, то зарывают деньги, тряпки; взамен более крупного бивня убивают оленя и то место, где лежал бивень, заливают свежей кровью, а мясо едят сами; если же найдут очень крупный бивень, то на его место закапывают оленя» [Бородовский, 1997, с. 104–105].

Присутствие антропоморфной скульптуры в погребении объясняется тем, что традиционно изображения человека рассматриваются как культовые предметы, связанные с магическими обрядами, которые нередко воспринимались в качестве пристанища души умершего предка или изображения самого умершего [Морозов, 2010, с. 185].

Кроме того, в вынудом из котлована грунте были обнаружены хорошо сохранившаяся левая ветвь нижней челюсти крупной особи рыси с сохранившимися в альвеолах зубами, кость гуся, а также фрагмент трубчатой кости северного оленя.

Помимо большой берцовой кости и верхней части черепа, обнаруженных в котловане, в отвале были обнаружены густо окрашенные охрой большая берцовая кость, лучевая (?) кость, мелкие фрагменты лопатки, таза, а также мелкое неопределимое крошево костей. Единичные и фрагментарные находки костных останков не позволяют дать половозрастную характеристику погребенного. Также в отвале были обнаружены малая берцовая кость и фрагмент черепа, не

окрашенные охрой. Большой интерес вызывает фрагмент теменной части черепной коробки, который не относится к найденному в захоронении черепу.

Обсуждение результатов

В качестве признаков, идентифицирующих погребение Огонек как памятник белькачинской культуры, можно назвать сопроводительный инвентарь и элементы погребального обряда.

В сопроводительном инвентаре погребения Огонек можно выделить несколько категорий находок: каменный инвентарь (6 экз.), костяной инвентарь (4 экз.) и фаунистические остатки (7 экз.). Сопроводительный материал имеет четкие аналогии в материалах белькачинской культуры Якутии, а также широкие территориальные параллели с материалами эпохи неолита Прибайкалья, Забайкалья, Приамурья, Приморья, Чукотки и Таймыра.

Одним из маркирующих элементов белькачинской культуры являются каменные шлифованные ступенчатые тесла с прямоугольным или квадратным поперечным сечением, которые довольно часто встречаются в погребениях этого времени [Алексеев, 1996, с. 49; Мочанов, Федосеева, 2013, с. 271]. Тесла, похожие на шлифованное тесло из погребения Огонек, обнаружены в Джикимдинском мужском погребении на Олекме, Онньесском мужском и Хайыргасском погребениях на Амге, Родинском женском погребении на Колыме [Алексеев, 1987, с. 45, рис. 33, 2; Кистенев, 1980, с. 85, табл. VII, 26, 31, 33; Козлов, 1980, с. 61, табл. IV, 13; Мочанов, Федосеева, 2013, с. 282]. Тесла, аналогичные ступенчатым шлифованным теслам белькачинской культуры, встречаются в неолите Нижнего Приамурья, Чукотки [Слободин, 2001, с. 173; Спижевой, 2011, с. 221, рис. 2, 6].

Призматические кремневые нуклеусы обнаружены в одном из погребений Туой-Хайинского могильника, Хайыргасском и Онньесском погребениях. В Джикимдинском погребении обнаружены карандашевидный и конусовидные нуклеусы [Алексеев, 1987, с. 45, рис. 32, 8, 11, 13; Козлов, 1980, с. 61, табл. IV, 3; Мочанов, Федосеева, 2013, с. 282; Федосеева, 1968, с. 29, рис. 17, 16].

Ножевидные пластины, вероятно, предназначавшиеся в качестве вкладышей для орудий с костяной основой, были обнаружены в погребении черепа в Туой-Хайинском могильнике, в Джикимдинском, Родинском женском, Хайыргасском погребениях среднего неолита [Алексеев, 1987; Кистенев, 1980, с. 86; Мочанов, Федосеева, 2013, с. 282; Федосеева, 1968, с. 26].

Кремневые наконечники стрел встречаются в большинстве белькачинских погребений, но отличаются по форме и типу обработки. Иволистные двусторонне ретушированные наконечники стрел с овально-выпуклым основанием характерны для белькачинской культуры Якутии [Алексеев, 1996, с. 49; Мочанов, Федосеева, 2013, с. 271]. Близкие по форме двусторонне ретушированные наконечники стрел встречаются в неолите Таймыра, входящего в западную часть ареала белькачинской культуры за пределами Якутии [Хлобыстин, 1998, с. 64, рис. 14, 3].

Изделия из кости и рога в археологических культурах Якутии встречаются реже, чем изделия из неорганических материалов, но, тем не менее, отличаются разнообразием видов и форм. В погребении Огонек они представлены иглой, лощиком, наконечником стрелы и предметом мелкой пластики. Все эти изделия относятся к числу характерных для белькачинского предметного комплекса [Алексеев, 1996, с. 49; Мочанов, Федосеева, 2013, с. 274].

Помимо материалов описываемого погребения, костяная игла была обнаружена в сопроводительном инвентаре Родинского женского погребения на Колыме, где она располагалась в области живота погребенной, а также в материалах Кангаласского взрослого погребения на средней Лене [Кистенев, 1980, с. 84, табл. III, 14, 15; Новгородов, 1960, с. 81, рис. 3]. Следует отметить, что костяные иглы встречаются в составе погребального инвентаря в серовских, исаковских и китойских погребальных комплексах неолита Прибайкалья и в неолите Южного Приморья [Базалийский, Савельев, 2008, с. 14, рис. 4; Горюнова, 2002, с. 11–13; Попов, 2008, с. 73, 75].

Костяное лощило из продольной половины трубчатой кости млекопитающего с пришлифованным рабочим краем, аналогичное орудию из рассматриваемого погребения, было найдено в средненеолитическом мужском погребении в местности Онньес на Амге [Козлов, 1980, с. 61, табл. 4, 14]. В Родинском женском погребении (р. Колыма) эпохи среднего неолита были обнаружены фрагменты двух костяных лощил из бивня мамонта [Кистенев, 1980, с. 86, табл. IV, 4, 5]. Длинные костяные лощила происходят из неолитических погребений Южного Приморья, погребений исаковского и позднеглазковского типа Прибайкалья, в частности могильников Шумиха и Улярба [Горюнова, 2002, с. 12, рис. 8, 2; Попов, 2008, с. 71].

В одном из погребений Туой-Хайинского средненеолитического могильника на верхнем Вилюе обнаружена морфологически схожая костяная фигурка, выполненная из ребра животного.

Погребение Огонек на средней Лене — новый памятник белькачинской культуры

Фигурка представляет собой стержень, имитирующий тело человека, с фигурно вырезанным навершием, изображающим голову, шею и плечи [Федосеева, 1968, с. 28, рис. 8, 4].

Антропоморфные скульптуры обнаружены в материалах стоянок и погребений эпохи неолита Западной и Восточной Сибири. На территории Восточной Сибири антропоморфные скульптурные изображения зафиксированы исключительно по материалам могильников. Характерной чертой в исполнении антропоморфной скульптуры Сибири является ее схематизм — 80,9 % случаев среди изделий Западной Сибири, 66,7 % — Восточной Сибири [Морозов, 2010, с. 185].

В свое время Ю.А. Мочанов высказал предположение о появлении в Якутии вкладышевых наконечников стрел с костяной или деревянной основой и каменными вкладышами еще в эпоху мезолита, однако до сих пор подобные наконечники в мезолитических слоях археологических памятников Якутии обнаружены не были [Алексеев, 1996, с. 44]. В раннем неолите Якутии зафиксированы комбинированные костяные наконечники стрел с одним продольным пазом для крепления кремневых вкладышей [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 212]. Игловидные наконечники с двумя продольными пазами и клиновидным основанием характерны для среднего неолита Якутии. Идентичные наконечнику из погребения Огонек составные наконечники стрел с костяной основой сопровождали погребенных в одном из Кангаласских средненеолитических погребений на средней Лене и в Онньесском мужском погребении на Амге [Козлов, 1980, с. 61, табл. IV; Новгородов, 1960, с. 86, рис. 3].

В одном из пазов наконечника из погребения Огонек сохранился кремневый вкладыш на пластине, обработанный мелкой краевой ретушью. По мнению Ю.А. Мочанова, такие вкладыши являются важными показателями принадлежности археологического памятника к белькачинской культуре. Точно такие вкладыши широко распространены в неолите Юго-Восточного Забайкалья [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 273–274].

Наибольшее сходство в сопроводительном инвентаре погребения Огонек прослеживается с материалами Онньесского погребения на р. Амге. Их объединяют засыпка костяков охрой, ориентация головой на юг, наличие в сопроводительном инвентаре костяного лощила из продольной половины трубчатой кости млекопитающего, игловидного костяного наконечника стрелы с клиновидным основанием и кремневыми вкладышами в продольных пазах, квадратного в сечении шлифованного тесла. В погребении Онньес имелись костные останки двух хищников — собаки и соболя [Боесков и др., 2015], а в погребении Огонек — фрагмент челюсти рыси. Погребение Онньес датируется средним неолитом и относится к белькачинской культуре [Козлов, 1980].

Костяные наконечники с кремневыми вкладышами в продольных пазах, подобные найденным в погребении Огонек, были ранее обнаружены в погребении № 3 могильника Туой-Хайа на верхнем Вилюе [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 353, табл. 67, 1–4]. В составе инвентаря этого могильника имеются также нуклеус и иволистные наконечники стрел [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 354, табл. 68, 6, 7; Федосеева, 1968, с. 61, рис. 17, 16]. Еще одно из погребений могильника сопровождалось стилизованным костяным антропоморфным изделием, голова которого условно обозначена на конце костяного стержня двумя желобками, выполненными поперечной нарезкой по окружности [Федосеева, 1968, с. 28, рис. 8, 4]. Могильник Туой-Хайа датируется средним неолитом и относится к белькачинской культуре [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 280–281].

В настоящее время в Якутии известны пять палеоантропологических местонахождений среднего неолита: Туой-Хайа на верхнем Вилюе, Онньес на Амге, Джикимда на Олекме, Кангаласское на средней Лене, Родинское на нижней Колыме и, возможно, Ергетское на среднем Вилюе. Вещи из сопроводительного инвентаря погребения Огонек имеют аналогии в изделиях из указанных погребений среднего неолита. Кроме того, погребение Огонек сближает с ними погребальный обряд. Общими для них являются грунтовые ямы без каменных кладок: вытянутое положение погребенных на спине, засыпка охрой, ориентировка погребенных вдоль реки, головой против или по течению.

Таким образом, указанные аналогии дают возможность включить погребение Огонек в круг погребений белькачинской культуры, существовавшей в Якутии с конца V по III тыс. до н.э. В непосредственной близости от погребения Огонек находятся следующие стоянки белькачинской культуры со шнуровой керамикой: ДСК (в 1,2 км севернее) и Пионерская (в 1,45 км юго-западнее) [Дьяконов, 2015]. Возможно, археологический памятник Огонек представляет собой не одиночное погребение, а могильник, но это позволят уточнить дальнейшие исследования.

Анализ археозоологического материала

Из отвалов котлована на участке происходит 7 остеологических находок, принадлежавших млекопитающим и птицам и относившихся, по-видимому, к контексту изучаемого погребения: 1

нижнечелюстная кость рыси с зубами, 1 кость северного оленя, 1 неопределимая кость млекопитающего или птицы, 4 фрагментированные птичьи кости.

Лучевая кость (radius) крупного гуся (*Anseriformes*) без эпифизов (рис. 6, 7), которые, по-видимому, были обломаны человеком или отгрызены животными.

Рис. 6. Археозоологический материал погребения Огонек:

1 — левая нижнечелюстная кость рыси с зубами; 2–5 — фрагменты костей птиц; 6 — фрагмент правой плюсневой кости северного оленя; 7 — лучевая кость гуся.

Fig. 6. Archeozoological burial Ogonyok material:

1 — jaw of a lynx with teeth; 2–5 — fragments of the bones of birds; 6 — fragment of the right metatarsal bone of a reindeer; 7 — goose bone.

Длина сохранившейся части кости 138 мм, восстановленная — не менее 145 мм. Диаметр кости в середине 5,5×4,2 мм. Возможно, принадлежала особи таежного гуся-гуменника *Anser fabali smiddendorffii* (Severtzov, 1873), наиболее крупного гуся Якутии современности, до середины XX в. также одного из наиболее многочисленных гусей Якутии [Воробьев, 1963; Дегтярев, 1998]. Гуменник, как и все гуси в Якутии, является перелетной птицей; гнездится как в тундровой зоне, так и в тайге. Цвет кости желтовато-светло-коричневый. Кость, по-видимому, принадлежала взрослой птице, прилетевшей в Якутию с зимовки. Гусь был добыт в теплое время года, с мая по сентябрь (если это был таежный гуменник). Если кость принадлежала крупной особи тундрового гуменника, то его, скорее всего добыли в период миграции (май или сентябрь).

Фрагмент лучевой кости (radius) крупной птицы (рис. 6, 4), возможно гуся (*Anser* sp.). Фрагмент представляет собой средний участок кости (диафиз). Длина обломка 42 мм. Диаметр кости в середине 6,1×4,2 мм. Цвет серовато-светло-коричневый.

Фрагмент трубчатой кости, предположительно, крупной птицы (рис. 6, 5). Один облом на кости проходит по эпифизу, второй, возможно, посередине кости. Длина сохранившейся части 45,5 мм. Наибольший диаметр проксимальной (?) части 18 мм, наибольший диаметр дистальной (?) части 11,4 мм. Диаметр посередине 12×7,7 мм. Цвет серовато-коричневый. Минимальная толщина компактного вещества кости небольшая (0,2 мм), что характерно для птиц.

Фрагмент кости крупной птицы или млекопитающего (рис. 6, 3). Наибольшая длина 21,5 мм, наибольшая ширина 0,56 мм. Имеется искусственно просверленное отверстие. Возможно, представляет собой деталь амулета. Цвет серовато-белесый.

Небольшой фрагмент кости (10×0,6 мм), судя по небольшой толщине (0,2–0,6 мм), птицы (рис. 6, 2). Цвет светло-коричневый.

Левая нижнечелюстная кость (mandibula) обыкновенной рыси *Lynx lynx* (Linnaeus, 1758) (рис. 6, 1). Сохранность хорошая, из зубов сохранились клык, два предкоренных (р3 и р4) и

хищнический зуб (m1). Цвет кости неоднородный: с внешней стороны местами светло-коричневый, значительные участки покрыты темно-серым, почти черным налетом, имеются красновато-рыжеватые участки (ожелезнение?); на внутренней стороне челюсть коричневая, серовато-коричневая, в средней части белесая; имеются красновато-рыжеватые участки, минерализация незначительна. Эмаль на зубах почернела. Принадлежала взрослой, но не старой особи. Наибольшая длина челюсти 109,7 мм, коронарная длина зубного ряда (p3–m1) 38,8 мм, высота у веночного отростка 52 мм, высота позади m1 22,1 мм. Соответствующие промеры нижней челюсти у современных рысей Якутии: 101–114; 37,8–39,4; 40,5–54; 20,1–23,2 мм (взрослые самцы); 97,2–99, 35–35,2; 43,1–44,2; 19,4–20,2 мм (взрослые самки) [Боескоров, Барышников, 2013]. Судя по промерам, челюсть из погребения принадлежала взрослому самцу рыси.

Фрагмент правой плюсневой кости (*metatarsus*) северного оленя *Rangifer tarandus* (Linnaeus, 1758) (рис. 6, б). Цвет кости серовато-коричневый. Принадлежал взрослой, крупной особи, возможно самцу. Переднезадняя ширина блока кости 27,6 мм.

Кости птиц и северного оленя представляют собой фрагменты, возможно, это остатки похоронной тризны. С другой стороны, часть костей могла быть разгрызена и обломана современными животными (собаки, грызуны) после вскрытия погребения в результате рытья хозяйственной ямы 5–6 лет назад. Кости минерализованы в незначительной степени (в начальной стадии), что характерно для остатков возрастом от нескольких сотен до нескольких тысяч лет.

Рысь в большей части своего ареала является типично лесным зверем. На территории Якутии рысь стала постоянным элементом териофауны в голоцене с распространением таежной растительности. Имеется несколько находок остатков рыси на некоторых неолитических стоянках Якутии [Боескоров, Барышников, 2013]. В настоящее время рысь — широко распространенный на территории Якутии, но редкий хищник. Обычно заготавливаются единичные особи и до сих пор специального промысла рыси в Якутии не существует [Мордосов, Прокопьев, 2015; Тавровский и др., 1971]. Ввиду низкой численности (что, очевидно, является нормой для данного вида) рысь даже включали в Красную книгу Якутской АССР (1987 г.). В то же время благодаря превосходному густому шелковистому и высокому меху рысь всегда ценилась у разных народов. На территории Якутии мех рыси издавна относился к одним из самых дорогих мехов [Дьяконов, 1990]. Кроме того, мясо рыси, похожее на телятину, считалось деликатесом у многих охотничьих народов. Таким образом, скорее всего и в эпоху неолита рысь у населения Центральной Якутии была редкой и исключительно ценной добычей.

Дикий северный олень всегда был и остается одним из важнейших промысловых животных на территории Якутии. Олени таежной популяции относятся к обычным и относительно многочисленным видам в пределах Приленского плато в настоящее время [Мордосов, Прокопьев, 2015] и, очевидно, были более многочисленными в неолите. Костные остатки этого оленя найдены на многих стоянках данного времени [Боескоров, 2003]. Таежный северный олень совершает сезонные миграции, но значительно меньшей протяженности, чем тундровый олень, ограничиваясь переходами в несколько десятков километров в пределах таежной зоны. Таежный олень не образует больших стад, встречается группами до 20–30 особей [Тавровский и др., 1971]. Промысел таежного оленя проводился в недавнем прошлом круглый год, как, по-видимому, могло быть и в неолите.

Остатки *птиц* относятся к крупным видам, возможно, все — к промысловым видам водоплавающих (по-видимому, в основном гуси).

Таким образом, по-видимому, все остатки животных неслучайны и были добыты человеком, возможно, захороненным в погребении Огонек. Не исключено, что рысь была его последней, наиболее ценной добычей, и он был накрыт в могиле ее шкурой, на которой сохранили голову хищника. Части туши северного оленя и гуси, скорее всего, являлись провизией для путешествия в загробный мир (или использовались во время похоронной тризны).

Погребение Огонек относится к белькачинской среднеолитической культуре (6,3–4,2 тыс. лет назад), времени атлантического климатического оптимума. Растительность на территории Якутии ближе к середине голоцена (6–5 тыс. лет назад) приняла современный облик [Шер, 1997а, 1997б]. Анализ археозоологического материала из неолитических стоянок Южной и Центральной Якутии свидетельствует, что и териофауна этого региона в середине голоцена уже практически не отличалась от современной, представляя собой таежную (восточносибирскую) фауну с элементами горного восточно-палеарктического и степного фаунистических комплексов. Животный мир в это время был даже разнообразнее и богаче, чем современный. Имеются

факты, что в Южной Якутии в неолитическое время обитали архар *Ovis ammon* (Linnaeus, 1758) и кабан *Sus scrofa* Linnaeus, 1758 [Боескоров, 2003]. Среди пернатых было очень много водоплавающей птицы, реки и озера изобиловали рыбой. На севере Якутии в это время еще существовали отдельные популяции типичных представителей мамонтовой фауны: ленской лошади и овцебыка [Boeskorov, 2020]. Все это способствовало охотничьей деятельности и благополучному существованию неолитического человека.

Радиоуглеродные даты и проблема пресноводного резервуарного эффекта

Для погребения Огонек в Институте акселераторных анализов в Японии (Institute of Accelerator Analysis Ltd.) методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) были получены 4 радиоуглеродные даты (табл. 1)¹. По кости черепа человека была получена дата 5300 ± 30 л.н. (IAAA-170070). Ее калиброванный возраст для $\pm 2\sigma$ относится к интервалу 4240–4040 гг. до н.э. (95,4 %, OxCal 3.10). Дата 5210 ± 20 л.н. (IAAA-170063), определенная по большеберцовой кости, с вероятностью 95,4 % (OxCal 3.10) относится к «календарному» интервалу 4045–3970 гг. до н.э. Еще две AMS ¹⁴C-даты были получены по костям животных из сопроводительного инвентаря погребения. Одна из них — 5090 ± 30 л.н. (IAAA-162746) была получена по клыку рыси. Ее калибровка для $\pm 2\sigma$ (95,4 %, OxCal 3.10) указывает на 3970–3790 гг. до н.э. Другая дата — 5070 ± 30 л.н. (IAAA-162747), по кости северного оленя, при калибровке для $\pm 2\sigma$ (95,4 %, OxCal 3.10) указывает на 3960–3790 гг. до н.э. Как видно, даты, полученные по костям животных, фактически идентичны и указывают на то, что погребение было совершено в первой четверти IV тыс. до н.э. Что касается дат, полученных по костям погребенного, то они оказались примерно на 130–260 лет древнее, чем даты по костям рыси и оленя. Такая разница связана, скорее всего, с влиянием пресноводного резервуарного эффекта, который проявляется в мнимом, более древнем радиоуглеродном возрасте образца животного или человека, в чей рацион входил «старый» углерод из пресноводных источников, по сравнению с образцами животных, использовавших чисто наземную пищевую цепь. В результате фотосинтеза водные растения накапливают в себе «старый» углерод, который затем передается вверх по пищевой цепи — к водным и далее наземным животным (включая человека), потребляющим водную пищу. Радиоуглеродный возраст таких образцов оказывается в разной степени удревленным [Святко, Реймер, 2017]. Наглядным примером такого смещения пресноводного углерода является исследование по 113 радиоуглеродным датам стоянки Саган-Заба II на западном побережье оз. Байкал [Nomokonova et al., 2013]. Анализ дат с этой стоянки, полученных в разных слоях по скелетам наземных млекопитающих, в том числе сугубо травоядных, и костей байкальских тюленей, показал наличие углеродного смещения от 700 до 1000 лет в пользу удревления костей нерпы и рыбы. При этом скелеты людей, в разной степени потреблявших водные ресурсы, также оказывались удревленными. В этом случае авторы указали на необходимость проведения парных радиоуглеродных датировок остатков скелетов видов, питающихся внутри и за пределами водной пищевой цепи, для дальнейшего изучения временных и географических изменений пресноводного смещения в регионе [Там же].

Из всех известных погребальных комплексов белькачинской культуры, кроме захоронения Огонек, датированы только Кангаласское и Онньесское погребения. В обоих случаях даты выглядят удревленными и не вполне вписываются в хронологию белькачинской культуры, разработанную по материалам многослойных четко стратифицированных стоянок и укладываемую в диапазон 4100 ± 300 – 2160 ± 150 гг. до н.э. [Алексеев, Дьяконов, 2009]. Так, Кангаласское погребение относится к интервалу 4340–4170 гг. до н.э. ($\pm 2\sigma$, 95,4% вероятности, OxCal 3.10), а Онньесское — к 4050–3960 гг. до н.э. ($\pm 1\sigma$, 68,2 % вероятности, OxCal 3.10) [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 278].

Картографический анализ показывает, что белькачинцы, основным занятием которых была охота на наземных млекопитающих, селились в основном по берегам рек. Нам неизвестно, какова была доля потребления рыбной продукции в их сезонной диете, но на белькачинских памятниках находили предметы, связанные с рыболовством, такие как составные костяные крючки, гарпуны, грузила рыболовных сетей [Воробьев, 2007, с. 70, 138, 139, табл. 59, 60; Мочанов, Федосеева, 2013, с. 274, 340, табл. 54, 5; Мочанов и др., 1983, табл. 264, 5–7]. Вполне логично, что белькачинцы могли заниматься рыболовством, и в их рацион могла входить речная рыба, а это могло повлиять на удревление радиоуглеродного возраста костяков из белькачинских погребений.

¹ Даты получены по гранту проф. Высшей школы гуманитарных наук Университета Хоккайдо (г. Саппоро, Япония) Кацунори Такасэ JSPS KAKENHI (15H01899).

Погребение Огонек на средней Лене — новый памятник белькачинской культуры

Радиоуглеродные даты погребения Огонек и соотношение стабильных изотопов углерода и азота в костном коллагене животных и человека

Radiocarbon dates of the Ogonyok burial and the ratio of stable carbon and nitrogen isotopes in animal and human bone collagen

№ п/п	Материал	Индекс лаборатории	Дата, л.н. (от 1950 г.)	Калиброванная дата ($\pm 2\sigma$, 95,4 %, OxCal 3.10)	$\delta^{13}\text{C}$ (‰) (MASS)	$\delta^{15}\text{N}$ (‰) (MASS)	$\delta^{13}\text{C}$ (‰) (AMS)
1	Клык рыси	IAAA-162746	5,090 \pm 30	3970–3790 гг. до н.э.	-19.7	10.5	-17.41 \pm 0.29
2	Кость оленя	IAAA-162747	5,070 \pm 30	3960–3790 гг. до н.э.	-18.8	7.50	-17.45 \pm 0.19
3	Берцовая кость человека	IAAA-170063	5,210 \pm 20	4045–3970 гг. до н.э.	-20.3	11.8	-20.22 \pm 0.15
4	Кость черепа человека	IAAA-170070	5,300 \pm 30	4240–4040 гг. до н.э.	-20.5	11.8	-21.18 \pm 0.19

Анализ стабильных изотопов углерода и азота костного коллагена человека показывает, что в его диете отсутствовали растительные продукты (растения C^3 и C^4), но относительно высокий уровень углерода $\delta^{13}\text{C}$ может указывать на то, что он употреблял в пищу лесных животных и дикоросы. Высокое содержание азота ($\delta^{15}\text{N}$) указывает на мясную диету и то, что в рационе могли присутствовать пресноводные рыбы. Оба образца кости показали высокое содержание $\delta^{15}\text{N}$, что в целом характерно для водных экосистем. Самый низкий показатель азота ($\delta^{15}\text{N}$) и высокий — углерода ($\delta^{13}\text{C}$) был выявлен в костном коллагене северного оленя, принадлежавшего наземной экосистеме, основой питания которого были мхи и лишайники. Анализ костного коллагена рыси выявил ее положение между значениями человека и оленя. Рысь, как типичный представитель таежной фауны, питается животными, обитающими в лесу, где выше концентрация углерода, так как лес — закрытое пространство, соответственно циркуляция углерода происходит там более интенсивно, и он медленнее выходит в атмосферу из-за того, что кроны деревьев препятствуют этому.

Четыре новые радиоуглеродные даты по костям наземных млекопитающих и человека из белькачинского погребения Огонек позволяют с большой долей уверенности отнести его к первой четверти IV тыс. до н.э. и поднять проблему существования пресноводного резервуарного эффекта для погребальных комплексов Якутии неолита и эпохи ранних металлов. Это является пока единственным примером перекрестного двойного радиоуглеродного датирования остатков скелетов видов, питающихся внутри и за пределами водной пищевой цепи, для одновременного археологического комплекса Якутии, а также первым опытом изотопного анализа древних погребений региона. Полученные результаты дают основание критически относиться к оценке возраста некоторых погребальных комплексов Якутии, ранее датированных только по коллагену костей человека.

Заключение

Таким образом, приведенные аналогии и результаты радиоуглеродного датирования позволяют отнести погребение Огонек на средней Лене к первой четверти IV тыс. до н.э. и включить его в круг погребений белькачинской культуры среднего неолита, существовавшей в Якутии с конца V по III тыс. до н.э. Их связывает близкий погребальный обряд: захоронение в грунтовых ямах, положение погребенных на спине, применение охры, ориентировка вдоль водоема. Фрагментарность костных останков затрудняет половозрастную характеристику погребения. Присутствие небольшого фрагмента теменной кости, не принадлежащей к найденному в захоронении черепу, может говорить о том, что погребение Огонек является частью группы погребений или могильника. Пока проверить это не представляется возможным, так как местность практически полностью застроена частными домами и хозяйственными постройками.

Материалы погребения в целом являются типичными для белькачинской культуры и находят аналогии в других памятниках среднего неолита Якутии, а также в инвентаре памятников эпохи неолита сопредельных территорий — Прибайкалья, Нижнего Приамурья, Южного Приморья, Юго-Восточного Забайкалья, Чукотки и Таймыра. На материалах погребения Огонек впервые в археологии Якутии был определен пресноводный резервуарный эффект, а также сделана попытка выяснить потенциальные составляющие диеты человека и животных на основе данных изотопного анализа костного коллагена. Исследования позволяют расширить представление о носителях белькачинской культуры и некоторых аспектах духовной жизни и мировоззрения племен среднего неолита Якутии.

Благодарности. Авторы благодарят Н.П. Фомина за своевременно предоставленную информацию об обнаруженном погребении и возможность изучить остатки погребения на месте его обнаружения; Т.Б. Симокайтиса, лаборанта Отдела археологии и этнографии ИГиИПМНС СО РАН, за подготовку иллю-

стративного материала; адъюнкт-профессора Высшей школы гуманитарных наук Университета Хоккайдо (г. Саппоро, Япония) Кацунори Такасэ за проведение трасологического анализа инвентаря и радиоуглеродное датирование образцов костей; к.и.н., научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Д.А. Мягашева и к.г.-м.н. Геологического института СО РАН В.Б. Хубанова за консультации по изотопному анализу костных остатков из погребения, а также рецензентов статьи за проявленный интерес к работе и ценные замечания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н.* Каменный век Олекмы. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 127 с.
- Алексеев А.Н.* Древняя Якутия: Неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 144 с.
- Алексеев А.Н., Дьяконов В.М.* Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 26–40.
- Базалийский В.И., Савельев Н.А.* Могильник эпохи раннего неолита Локомотив: (Особенности ритуала захоронений) // Известия лаборатории древних технологий. 2008. № 6. С. 7–27.
- Боескоров Г.Г.* Состав териофауны Якутии в позднем плейстоцене и голоцене (по археологическим материалам) // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 27–43.
- Боескоров Г.Г., Барышников Г.Ф.* Позднечетвертичные хищные млекопитающие Якутии. СПб.: Наука, 2013. 199 с.
- Боескоров Г.Г., Степанов А.Д., Винокуров В.Н., Щелчкова М.В., Винокурова А.В., ван дер Плихт Й. К.* истории формирования домашней собаки на территории Якутии // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. 2015. № 5. С. 5–17.
- Бородовский А.П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. — первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.
- Воробьев К.А.* Птицы Якутии. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 336 с.
- Горюнова О.И.* Древние могильники Прибайкалья (неолит-бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2002. 84 с.
- Дегтярев А.Г.* Гуменник в таежной зоне Якутии // Казарка. 1998. № 4. С. 153–158.
- Дьяконов А.Л.* Пушной промысел в Якутии конца XVIII — середины XIX века. Якутск: Изд-во Якут. НЦ, 1990. 144 с.
- Дьяконов В.М.* Археологические памятники долины Туймаада // Город Якутск: История, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2007. С. 36–49. (Улусы Респ. Саха (Якутия)).
- Дьяконов В.М.* К вопросу о границах ареала белькачинской неолитической культуры // Тихоокеанская археология: Технологии, миграции, адаптации и материальная культура в древности: 2-й Междунар. археол. симп., Владивосток, 6–9 мая 2019 г.: Тезисы докладов = Pacific Archaeology: Technologies, migrations, adaptations and material culture in ancient times. 2nd International Symposium, Vladivostok, May 6–9 2019: Abstracts / Отв. ред. А.Н. Попов. Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2019. С. 18–20.
- Кистенев С.П.* Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 74–87. (Тр. ПАЭ).
- Козлов В.И.* Новые археологические памятники Амги // Новое в археологии Якутии. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 55–61. (Тр. ПАЭ).
- Мордосов И.И., Прокопьев Н.П.* Млекопитающие Лено-Алданского междуречья. Якутск: Изд-во СВФУ, 2015. 268 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.* Очерки дописьменной истории Якутии: Эпоха камня. Якутск: ЦААПЧ АН РС (Я), 2013. Т. 2. 489 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М.* Археологические памятники Якутии: Бассейны Алдана и Олекмы. Новосибирск: Наука, 1983. 392 с.
- Новгородов И.Д.* Кангаласское захоронение // Сб. науч. ст. Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского. Якутск: Кн. изд-во, 1960. Вып. III. С. 80–87.
- Попов А.Н.* Погребальные комплексы на многослойном памятнике Бойсмана-2 в Южном Приморье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 68–76.
- Святко С.В., Реймер П.Дж.* Пресноводные резервуарные эффекты в Евразийской степи // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе: В 3 т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. III. С. 66–71.
- Слободин С.Б.* Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. 202 с.
- Служебой Н.Е.* Новые археологические памятники в Николаевском районе Хабаровского края // Вестник Сахалинского музея. 2011. № 6. С. 219–226.
- Таверовский В.А., Егоров О.В., Кривошеев В.Г., Попов М.В., Лабутин Ю.В.* Млекопитающие Якутии. М.: Наука, 1971. 659 с.
- Федосеева С.А.* Древние культуры Верхнего Вилюя. М.: Наука, 1968. 170 с.

Погребение Огонек на средней Лене — новый памятник белькачинской культуры

Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 342 с.

Шер А.В. Природная перестройка в восточно-сибирской Арктике на рубеже плейстоцена и голоцена и ее роль в вымирании млекопитающих и становлении современных экосистем (сообщение 1) // Криосфера Земли. 1997а. № 1. С. 21–29.

Шер А.В. Природная перестройка в восточно-сибирской Арктике на рубеже плейстоцена и голоцена и ее роль в вымирании млекопитающих и становлении современных экосистем (сообщение 2) // Криосфера Земли. 1997б. № 2. С. 3–11.

Boeskorov G. Survival of indicator species of the mammoth fauna large mammals in the Holocene of Yakutia (east Siberia, Russia) // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science (EES). 2020. Vol. 438. P. 1–8. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/438/1/012004>

Gomez Coutouly Ya.A. Migrations and interactions in prehistoric Beringia: The evolution of Yakutian lithic technology // *Antiquity*. 2016. Vol. 90. Iss. 349. P. 9–31. <https://doi.org/10.115184/aqy.2015.176>

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site // *Quaternary International*. 2013. № 290–291. P. 110–125. <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2012.06.007>

Powers W.R., Jordan R.H. Human biogeography and climate change in Siberia and Arctic North America in the fourth and fifth millennia BP // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series A, Mathematical and Physical Sciences* 330. 1990. P. 665–670. <https://doi.org/10.1098/rsta.1990.0047>

Slobodin S.B. Neolithic of the Northeast Asia and the Arctic Small Tool Tradition of the North America // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та. История*. 2019. Т. 64. Вып. 2. С. 415–452. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.204>

The Oxford handbook of the prehistoric Arctic / Ed. by T. Max Friesen and Owen K. Mason. N. Y.: Oxford University Press, 2016. 988 p.

ИСТОЧНИКИ

Воробьев С.А. Отчет об археологических раскопках многослойной стоянки Усть-Чуга II в полевой сезон 2006 года. Нерюнгри, 2007 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Т. I. № 46994. 144 с.

Дьяконов В.М. Отчет о работах Якутского отряда археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН на территории Городского округа «Город Якутск» Республики Саха (Якутия) в 2014 г. Якутск, 2015 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Т. I. № 45680. 247 с.; Т. II. № 45681. 169 с.

Морозов А.В. Мелкая пластика эпохи неолита-энеолита на территории Сибири: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2010.

**Alekseev A.N.^a, Dyakonov V.M.^b, Solovyova E.N.^{c,b,*}, Nikolaev E.N.^a,
Boeskorov G.G.^d**

^a Institute for Humanitarian Studies and Problems of the Indigenous Peoples of the North SB RAS
Petrovsky st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation

^b Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch RAS
prosp. Acad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

^c Arctic Research Center of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)
Kurashova st., 22, Yakutsk, 677000, Russian Federation

^d Institute of Geology of Diamond and Noble Metals SB RAS
prosp. Lenina, 39, Yakutsk, 677891, Russian Federation

E-mail: alekan46@mail.ru (Alekseev A.N.); arkh_muz@mail.ru (Dyakonov V.M.); lenasolo05@mail.ru (Solovyova E.N.); nikolaev.ykt@gmail.com (Nikolaev E.N.); gboeskorov@mail.ru (Boeskorov G.G.)

The burial Ogonyok in the middle Lena River region: a new site of the Bel'kachi Culture

The article presents the results of a comprehensive study of the Ogonyok burial, discovered and investigated in 2016 in the city of Yakutsk, Central Yakutia, in the middle reaches of the Lena River. The purpose of the study was to determine its cultural and chronological characteristics, to identify the features of the funeral rite and specifics of the accompanying grave goods. In addition to historical and archaeological methods, the methods of taphological analysis of stone tools, radiocarbon dating and date calibration, isotope analysis of human and animal bone collagen, and determination of the species composition of the fauna that was part of the burial equipment were used. The burial place was destroyed during land works, as such, only part of the accompanying equipment and osteological material was preserved for the analyses. Excavations of the remains of the burial were carried

* Corresponding author.

out, which made it possible to determine approximately its orientation, the position of the deceased and the depth from the day surface. Similarities to the accompanying goods, which included a flint core and three blades, an arrowhead, polished adze, bone composite arrowhead with a blade in the groove, anthropomorphic figurine from a mammoth tusk, fragments of a bone polisher and a needle, as well as faunal remains, were found in the complexes of the Bel'kachi Neolithic Culture of Northeast Asia of the end of the 5th–3rd mil. BC. Further analogies were identified in the synchronous Neolithic cultures of the Baikal, Transbaikalia, Lower Amur region, Primorsky Krai and Chukotka. The funeral ritual of filling the grave with ochre also brings the Ogonyok burial closer to other Bel'kachi cemeteries. Paleozoological analysis has shown that bones of lynx, wild reindeer and geese were present in the burial. Four AMS radiocarbon dates were obtained from human and animal bones, which attribute the burial in the first quarter of the 4th mil. BC. An interesting fact was the identification of an offset in the age of human bones relatively to the age of animal bones, the former being approximately 200 years older, which is apparently associated with freshwater reservoir effect. Analysis of stable carbon and nitrogen isotopes demonstrated that the human diet was based on meat food, as well as, apparently, fish products, with a minor inclusion of wild plants. The burial of Ogonyok is one of the few “pure” sites of the Bel'kachi Neolithic Culture in Yakutia.

Keywords: Yakutia, Middle Lena, Neolithic, funeral rite, funerary inventory, freshwater reservoir effect, Bel'kachi Culture.

REFERENCES

- Alekseev, A.N. (1987). *Stone Age of Olyokma*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. (Rus.).
- Alekseev, A.N. (1996). *Ancient Yakutia: Neolithic and the Bronze Age*. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. (Rus.).
- Alekseev, A.N., D'iakonov, V.M. (2009). Radiocarbon chronology of cultures of the Neolithic and Bronze Age of Yakutia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, (3), 26–40. (Rus.).
- Bazaliiskii, V.I., Savel'ev, N.A. (2008). The burial ground of the early Neolithic era of Lokomotiv (features of the burial ritual). *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*, (6), 7–27. (Rus.).
- Boeskorov, G.G. (2003). The composition of the theriofauna of Yakutia in the Late Pleistocene and Holocene (according to archaeological materials). In: Alekseev A.N. (Ed.). *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii. Astroarkheologiya. Paleoinformatika*. Novosibirsk: Nauka, 27–43. (Rus.).
- Boeskorov, G. (2020). Survival of indicator species of the mammoth fauna large mammals in the Holocene of Yakutia (east Siberia, Russia). In: *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science (EES)*, (438), 1–8. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/438/1/012004>
- Boeskorov, G.G., Baryshnikov, G.F. (2013). *Late Quaternary predatory mammals of Yakutia*. St. Petersburg: Nauka. (Rus.).
- Boeskorov, G.G., Stepanov, A.D., Vinokurov, V.N., Shchelchkova, M.V., Vinokurova, A.V., Van der Pliht, J. (2015). On the history of the formation of a domestic dog in Yakutia. *Vestnik SVFU imeni M.K. Ammosova*, (5), 5–17. (Rus.).
- Borodovskii, A.P. (1997). *An ancient bone-carving business in the south of Western Siberia (second half of the 2nd millennium BC — the first half of the 2nd millennium BC)*. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN. (Rus.).
- Degtiarev, A.G. (1998). Goofer in the taiga zone of Yakutia. *Kazarka*, (4), 153–158. (Rus.).
- D'iakonov, A.L. (1990). *Fur trade in Yakutia at the end of the 18th — the middle of the 19th century*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo nauchnogo tsentra. (Rus.).
- D'iakonov, V.M. (2007). Archaeological sites of the Tuymaada Valley. In: *Gorod Irkutsk: Istoriya, kul'tura, fol'klor*. Irkutsk: Bichik, 36–49. (Rus.).
- D'iakonov, V.M. (2019). To the question of the boundaries of the range of the Bel'kachi Neolithic culture. In: *Tikhookeanskaia arkheologiya: Tekhnologii, migratsii, adaptatsii i material'naiia kul'tura v drevnosti: 2-i Mezhdunarodnyi arkheologicheskii simpozium, Vladivostok, 6–9 maia 2019 g.: Tezisy dokladov = Pacific Archaeology: Technologies, migrations, adaptations and material culture in ancient times: 2nd International Symposium, Vladivostok, May 6–9 2019: Abstracts*. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo Federal'nogo universiteta, 18–20. (Rus.).
- Fedoseeva, S.A. (1968). *Ancient cultures of Upper Vilyui*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Gomez Coutouly, Ya.A. (2016). Migrations and interactions in prehistoric Beringia: The evolution of Yakutian lithic technology. *Antiquity*, 90 (349), 9–31. <https://doi.org/10.15184/aaq.2015.176>
- Goriunova, O.I. (2002). *Ancient burial grounds of the Baikal region (Neolithic-Bronze Age)*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. (Rus.).
- Khlobystin, L.P. (1998). *The ancient history of the Taimyr Arctic and the formation of cultures of northern Eurasia*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (Rus.).
- Kistenev, S.P. (1980). New archaeological sites of the Kolyma basin. In: Mochanov Iu.A. (Ed.). *Novoe v arkheologii Irkutii: (Trudy Prilenskoi arkheologicheskoi ekspeditsii)*. Irkutsk: IaF SO AN SSSR, 74–87. (Rus.).
- Kozlov, V.I. (1980). New archaeological sites of Amga. In: Mochanov Iu.A. (Ed.). *Novoe v arkheologii Irkutii (Trudy Prilenskoi arkheologicheskoi ekspeditsii)*. Irkutsk: IaF SO AN SSSR, 55–61. (Rus.).
- Mochanov, Iu.A., Fedoseeva S.A. (2013). *Essays on the preliterate history of Yakutia: The era of stone*. Irkutsk: TsAAPCh AN RS (Ia), T. 2. (Rus.).

Погребение Огонек на средней Лене — новый памятник белькачинской культуры

- Mochanov, Iu.A., Fedoseeva, S.A., Alekseev, A.N., Kozlov, V.I., Kochmar, N.N., Shcherbakova, N.M. (1983). *Archaeological monuments of Yakutia: Aldan and Olyokma basins*. Novosibirsk: Nauka. (Рус.).
- Mordosov, I.I., Prokop'ev, N.P. (2015). *Mammals of the Leno-Aldan interfluvium*. Iakutsk: izdatel'stvo SVFU. (Рус.).
- Nomokonova, T., Losey, R.J., Goriunova, O.I., Weber, A.W. (2013). A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site. *Quaternary International*, (290–291), 110–125. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2012.06.007>
- Novgorodov, I.D. (1960). Kangalassy burial. In: *Sbornik nauchnykh statei Iakutskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeia im. Em. Iaroslavskogo. Vyp. 3*. Iakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 80–87. (Рус.).
- Popov, A.N. (2008). Burial complexes at the Boysmana-2 multi-layered monument in Southern Primorye. *Arkhologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii*, (2), 68–76. (Рус.).
- Powers, W.R., Jordan, R.H. (1990). Human biogeography and climate change in Siberia and Arctic North America in the fourth and fifth millennia BP. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series A, Mathematical and Physical Sciences*, (330), 665–670. <https://doi.org/10.1098/rsta.1990.0047>
- Sher, A.V. (1997). Natural restructuring in the East Siberian Arctic at the turn of the Pleistocene and Holocene and its role in the extinction of mammals and the formation of modern ecosystems (communication 1). *Kriosfera Zemli*, (1), 21–29. (Рус.).
- Sher, A.V. (1997). Natural restructuring in the East Siberian Arctic at the turn of the Pleistocene and Holocene and its role in the extinction of mammals and the formation of modern ecosystems (communication 2). *Kriosfera Zemli*, (2), 3–11. (Рус.).
- Slobodin, S.B. (2001). *Upper Kolyma and continental Priohotyie in the Neolithic and Early Metal eras*. Magadan: SVKNII DVO RAN. (Рус.).
- Slobodin, S.B. (2019). Neolithic of the Northeast Asia and the Arctic Small Tool Tradition of the North America. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriiia*, 64(2), 415–452. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.204>
- Spizhevoi, N.E. (2011). New archaeological sites in the Nikolaev district of the Khabarovsk Territory. *Vestnik Sakhalinskogo muzeia*, (6), 219–226. (Рус.).
- Sviatko, S.V., Reimer, P.Dzh. (2017). Freshwater reservoir effects in the Eurasian steppe. In: *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda v Barnaule — Belokurikhe: V 3 t. T. 3*. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 66–71. (Рус.).
- Friesen, M.T., Mason, O.K. (Eds.) (2016). *The Oxford handbook of the prehistoric Arctic*. New York: Oxford University Press.
- Tavrovskii, V.A., Egorov, O.V., Krivosheev, V.G., Popov, M.V., Labutin, Iu.V. (1971). *Mammals of Yakutia*. Moscow: Nauka. (Рус.).
- Vorob'ev, K.A. (1963). *Birds of Yakutia*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. (Рус.).

Alekseev A.N., <https://orcid.org/0000-0002-9488-573X>
Dyakonov V.M., <https://orcid.org/0000-0002-4899-6148>
Solovyova E.N., <https://orcid.org/0000-0001-8920-3696>
Nikolaev E.N., <https://orcid.org/0000-0003-1432-7517>
Boeskorov G.G., <https://orcid.org/0000-0002-2360-7740>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.12.2021

Article is published: 21.03.2022